

А. Ю. ВЕСЕЛОВА

ТВОРЧЕСТВО А. Т. БОЛОТОВА В КОНТЕКСТЕ ТРАДИЦИИ РУКОПИСНОЙ И ПЕЧАТНОЙ КНИГИ

1 января 1792 г. Андрей Тимофеевич Болотов (1738–1833) получил известие о том, что его двоюродный брат и сосед по родовому имению Дворяниново в Тульской губернии, Михаил Матвеевич Болотов, находится при смерти. А. Т. Болотов, который тогда состоял на службе управляющим императорской Богородицкой волостью в той же Тульской губернии, отправился в Дворяниново. Днем он сидел у постели умирающего, а по вечерам перебирал собственную библиотеку. В одной из рукописей, составляющих своего рода «конвой» к основному тексту болотовских воспоминаний, мемуарист так объяснил эту работу:

За несколько времени пред сим предприял сын мой на себя труд переписать и регулировать всю мою библиотеку, которая от бывших двух пожаров гораздо порасстроилась. И как находящиеся в Богородицке книги были уже все переписаны и остались только те, кои находились у меня в деревне, то собирались мы уже давно книги все велеть из деревни перевезть для переписывания в Богородицк. И <...> чтоб приумножить количество книг положили мы, чтоб мне, будучи дома, на досуге перебрать и все старинные там бумаги и тетради, содержащие в себе разные мои сочинения и переводы, и посмотреть, не годятся ли которые для переплета и составления из них книг.¹

¹ Описание жизни Андрея Болотова, сочиненное самим им для своих потомков. Продолжение. 1791 год // ОР РНБ. Ф. 608 (Собр. Помяловского). Оп. 2. № 88-VI. 46 лл.

Таким образом, мы видим, что в состав своей библиотеки Болотов на равных включал как печатные книги, так и рукописи, причем не только списки изданий, но и собственные сочинения. Это отразилось и на их оформлении. В личных фондах Болотова в разных архивохранилищах в общей сложности находится около 300 единиц хранения, написанных рукой самого Болотова. Это списки произведений отдельных авторов, переводы, сборники самого разного назначения и содержания, а также комплекты отпусков писем и собственные сочинения, включая мемуары. Подавляющее большинство из них переплетены, иногда даже в кожу с тисненым золотом названием на обложке и корешке (это означает, что они стояли на книжных полках), имеют титульный лист, пагинацию, часто оглавление, иногда ляссе и окрашенный обрез, хотя бы минимальное художественное оформление (виньетки, заставки, обрамленные колонтитулы) или даже полноценные иллюстрации. Обычно на них есть помета «Из книг АБ» (или «АТБ») с номером, отсылающим к каталогу домашней библиотеки. Немногие неоформленные единицы в составе болотовских архивов представляют собой обычно незаконченные или плохо сохранившиеся разрозненные тетрадки, чаще всего поздние.

Внутреннее оформление рукописной книги Болотов обычно делал сам, а переплестать отдавал мастеру. Многие из его ранних рукописей были переплетены, когда он был переводчиком в канцелярии русского губернатора Восточной Пруссии в Кёнигсберге в годы Семилетней войны (1758 — нач. 1762), и потом в период недолгой службы в Петербурге (1762). Остальные он чаще всего переплетал в книжных лавках в Москве. Первые болотовские рукописи, созданные в Кёнигсберге, обычно имеют распространенный книжный формат *in quarto*.² Возможно, на выбор размера повлияли те книги, которые Болотов в это время покупал или брал в кёнигсбергских библиотеках. Но в дальней-

² См., напр.: Собрание принадлежащих до новой штатской и военной истории вещей. Польша. 1758 // ОР РНБ. Ф. 536 (Собр. ОЛДП). № 2136 (Q. 370). 120 л.; Приключения милорда Кингстона, самим им описанные, а переведенные А. Б. Кёнигсберг. 1760 // ОР РНБ. Ф. 536 (Собр. ОЛДП) № 2138 (Q. 372). 127 лл.; Различные нравоучительные сочинения, переведенные из разных книг А. Б. 1763 // ОР РНБ. Ф. 89. № 58. 136 л.; Крузий Христиан Август. Нравоучение, или Наставление как жить благоразумно. Пер. с немецк. яз. // ОР РНБ. Ф. 536 (Собр. ОЛДП). № 2093 (Q. 328). 37 л.; Письма А. Т. Болотова к разным лицам: зятю А. Ф. Травину, сестре М. Т. Травиной, дяде и др. Окт.-нояб. 1760 // ОР РНБ. Ф. 89. № 110. 85 л.

шем, начиная с середины 1760-х гг., все чаще появляются рукописи в 1/8 листа. Со временем этот формат становится практически единственным и так прочно ассоциируется с рукописями Болотова, что оба издательства, напечатавшие болотовские записки в 1930-х гг., то есть «Academia» и «Молодая гвардия», выбрали для печати именно его.³

Такой карманный формат диктовал число листов, обычно их в болотовских рукописях около 200, так как книгу бóльшего объема неудобно держать в руках и носить с собой. Поэтому крупные сочинения он делил на части и в переплет отдавал тоже по частям, причем нередко до завершения всего текста, когда появлялась оказия, то есть поездка в Москву. Так, рассказывая о своем томительном пребывании в деревне в Епифанском уезде, где он ожидал решения о новом назначении, Болотов пишет: «...находя приятнейшее упражнение в письме, <...> начал писать четвертую часть экономических своих записок под титулом „Плоды праздного времени“, которых первые три части переплели мне в последнюю мою в Москве бытность прекрасно и так, что красота самого сего переплета возбуждала во мне желание продолжать сию книгу и тем паче, что первые три части многим полюбились».⁴ Как видно из приведенной цитаты, не закончив четвертой части задуманного сочинения, он уже не только переплел первые три, но и давал их кому-то читать.

Как с печатной, так и с рукописной книгой Болотов познакомился в семье. У его отца, полковника Архангелогородского пехотного полка Тимофея Петровича Болотова, с собою на службе были две печатные книги: «Жизнь Александра Македонского» Курция Руфа⁵ и «Описание

³ Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков / Обраб. текста и примеч. Н. Кравцова и А. Морозова. М.; Л., 1930; Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков: в 3 т. / Вступ. статья С. Н. Ронского, коммент. П. Л. Жаткина. М.; Л., 1931. Переиздание последней публикации в том же формате вышло в 1993 г.

⁴ Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. 1738–1793 / Под ред. М. И. Семевского. СПб., 1870–1873. Т. 1–4 (Русская старина: Приложение: Записки Андрея Тимофеевича Болотова). Т. 3. Стб. 169. Далее ссылки на это издание даются в тексте в круглых скобках с указанием номера тома римской цифрой и номера страницы — арабской.

⁵ Сочинение латинского писателя I в. Квинта Курция Руфа (Quintus Curtius Rufus) «История Александра Великого Македонского» (Historiae Alexandri Magni Macedonis) несколько раз было переведено на русский язык. Скорее всего, Болотов читал издание

жития и дел принца Эвгения Савойского»,⁶ и две рукописи, «Лифляндская история»⁷ и «Лифляндская экономия».⁸ Все это были переводы, причем рукописные были выполнены самим Тимофеем Петровичем. Еще в детстве, в годы обучения, у Болотова начала складываться своя библиотека, состоявшая вначале преимущественно из учебных книг.⁹ Эту библиотеку он по мере сил пополнял. Свой первый рукописный роман под названием «Епаменонд и Целериана»¹⁰ Болотов получил в подарок во время обучения в частном пансионе в Петербурге в 1749 г. (I: 182). Первой переписанной им самим книгой был русский перевод «Похождений Телемака» Ф. Фенелона,¹¹ который он скопировал в 1753 г.

1750 г.: Квинта Курция история о Александре Великом царе македонском / С дополнениями Фрейнгсгейма и примечаниями переведена с латинского языка вторично Степаном Крашенинниковым Академии наук профессором. СПб., 1750. Т. 1–2.

⁶ Описание жития и дел принца Эвгения Савойского и генералиссимуса над армиями его римского цесарского величества и всея империи <...>. СПб., 1740 (выборочный перевод анонимно изданной книги: *Des grossen Feld-Herrns Eugenii Hertzogs von Savoyen und Käyserlichen General-Leutenants Helden-Thaten*. Nürnberg, 1736).

⁷ Вероятно, перевод сочинения лифляндского пастора С. Губертыса: *Stratagema oeconomicum, oder Ackerstudent, Denen jungen ungeübten Ackerleuten in Lieflland zum nöhtigen Unterricht vermittelt vieljährigen Observationibus, auch fürnehmer Philosophorum Placitis dargestellt* <...> von Salomone Guberto <...>: 3 Aufl. Riga, 1688 («Экономическая стратегема, или Изучающий земледелие, в изложении для необходимого обучения молодых неопытных земледельцев в Лифляндии посредством многолетних наблюдений и с приведением мнений знатных философов»).

⁸ Вероятно, перевод сочинения эстляндского пастора Х. Кельха «История Лифляндии»: *Liefländische Historia, oder Kurtze Beschreibung der Denckwürdigsten Kriegs- und Friedensgeschichte Esth- Lief- und Lettlandes* <...> biss auff 1690. Jahr <...> von Christiano Kelchen <...> Revall, 1695.

⁹ Глаголева О. Е. 1) Библиотека А. Т. Болотова // Книга в России XVI — середины XIX вв.: Книгораспространение, библиотеки, читатель. Л., 1987. С. 79–95; 2) А. Т. Болотов как читатель // Рукописная и печатная книга в России: Проблемы создания и распространения. Л., 1988. С. 140–158; 3) Тульская книжная старина. Тула, 1992. С. 69–85.

¹⁰ Очевидно, этот перевод существовал только в списках. Один из них сохранился в справочной библиотеке Государственного архива Свердловской обл.: История о Епаменонде и Целериане, которая содержит в себе шестнадцать книг и разделена на два тома. Переведена с французского языка на российский 1741 году в Санкт-Петербурге (см.: *Дергачева-Скоп Е. И.* Рукописные книги в хранилищах Свердловска // ТОДРЛ. Л., 1971. Т. 26. С. 338–343).

¹¹ Похождение Телемака, сына Улисса / Сочинено г-ном Фенелоном, учителем детей короля французского, бывшим потом архиепископом Камбрейским, и князем Римския империи. [Пер. А. Ф. Хрущева]. СПб., 1747. Ч. 1–2. (Ориг.: *Fénelon F. Les Aventures de Télémaque* <...>. Paris, 1699).

в деревне, где оказался один после смерти родителей: «Не имея ничего лучшего, списал я целого „Телемака“ с печатного, которую книгу удалось мне негде достать. Я велел ее переплести, и переплет был хотя самый скверный, в досках, и по манеру церковных книг с застешками, однако я не мог ею довольно налюбоваться, и книга сия была мне так мила, что я взял ее с собою, когда поехал на службу, но, к сожалению моему, пропала она у меня с некоторыми другими книгами» (I: 234). Тремя годами ранее юный Болотов уже пытался читать «Телемака» в пансионе на уроках французского, но ему не хватало владения языком, поэтому он обратился к русскому переводу. Книга произвела на него сильнейшее впечатление: «<...> мне она так полюбилась, что у меня старинные брони, латы, шлемы, щиты и прочее мечтались беспрерывно в голове, к чему много помогали и картинки, в книге находившиеся» (I: 108). Возможно, это также было его первое знакомство с книжной иллюстрацией.

В 1753 году, в возрасте 14 лет, Болотов уже чувствовал вкус к самому процессу переписывания книг, что отметил позднее в мемуарах: «С самого малолетства имел я уже к тому некоторую охоту и всегда, бывало, что-нибудь марал и списывал, а тогда склонность сия возросла уже до знатного градуса и сделала меня на весь мой век охотником до писания. Я находил как-то особенное удовольствие в сей работе, и она была мне не только не трудна, но еще увеселительна» (I: 234).

Болотовский «Телемак» не дошел до нас, но сохранилась другая книга, тогда же списанная. Это курс геометрии и фортификации, который Болотов взял у дяди, брата отца.¹² М. П. Болотов, к тому времени уже генерал, в молодости учился у Абрама Ганнибала, и у него сохранились тетради, представлявшие собой перевод фрагментов из книг французского математика Ж. Озанама, по которым Ганнибал преподавал геометрию.¹³ Болотов рассказывает о своем знакомстве с этими тетрадями тоже восторженно: «Я вострепетал, увидев оные, и до тех пор не дал отдыха дяде моему, покуда не отдал он мне их для списания и счерчения <...>. Я написал и начертил книги, которые и поныне еще

¹² Приемы циркуля и линейки. 1753 // ОР РНБ. Ф. 536 (Собр. ОЛДП). № 2131 (Q. 365). 161 л. с илл.

¹³ *Ozanam J. 1) La Géométrie pratique*. Paris, 1684; 2) *Traité de fortification, contenant les methodes anciennes et modernes pour la construction et la deffense des places*. Paris, 1694.

у меня целы, и украсил их возможнейшими, хотя совсем излишними и такими украшениями, которые изъясляют очевидно тогдашний мой ребяческий и весьма еще неосновательный вкус» (I: 233–234). По этим тетрадям Болотов готовился к экзаменам в полку и брал экземпляр с собой на службу, о чем свидетельствует помета «из книг подпоручика Болотова».

Таким образом, очевидно, что на раннем этапе составления библиотеки, то есть с конца 1740-х до 1760-х гг., основной причиной, заставлявший Болотова обращаться к созданию рукописных книг, был дефицит печатных, на который он жаловался в мемуарах: «...куда жаль, что у нас в России было тогда еще так мало русских книг, что в домах нигде не было не только библиотек, но ни малейших собраний, а у французских учителей того меньше. Литература у нас тогда только что начиналась, следовательно, не можно было мне, будучи ребенком, нигде получить книг для чтения» (I: 108). Поэтому заметную долю среди созданных им в этот период рукописных книг составляли переводы. Имея в определенный период, то есть в годы службы в Восточной Пруссии, доступ к иностранной литературе и владея языками, Болотов в конце 1750-х и в 1760-е гг. перевел немало книг и даже журналов, желая иметь то или иное издание в своей библиотеке и делиться ею с товарищами.¹⁴ Впрочем, практика обмена, существовавшая в том числе и в полковой жизни, нередко приводила к потерям: в частности, Болотов весьма сожалел об утраченном им первом опыте перевода с французского, названия которой он даже не помнил (I: 112).

Среди ранних болотовских рукописей многие сохранились: это переводы из немецкой периодики, описывавшей ход текущей войны (опыт, признанный самим переводчиком неудачным, так как материал не заинтересовал его полковых товарищей),¹⁵ а также романы¹⁶ и фи-

¹⁴ Переводы сочинений различных авторов, преимущественно из периодических изданий. 1760 // ОР РГБ. Ф. 475. Карт. 6.2. 319 л. См. также примеч.: 2, 15, 16, 17, 18.

¹⁵ Собрание принадлежащих до новой штатской и военной истории вещей. Польша. 1758 // ОР РНБ. Ф. 536 (Собр. ОЛДП). № 2136 (Q. 370). 120 л.

¹⁶ Перевод повести Ш. Ж. де ла Морльера «Милорд Станлей, или Добродетельный преступник». Писарская копия. 1759 // ОР РГБ. Ф. 475. Карт. 5.4–5.5. Т. 1. 78 л., Т. 2. 94 л.; Приключения милорда Кингстона, самим им описанные, а переведенные А. Б. Кёнигсберг. 1760 // ОР РНБ. Ф. 536 (Собр. ОЛДП). № 2138 (Q. 372). 127 л.

лософские сочинения,¹⁷ интерес к которым побудил Болотова посещать лекции по философии в Кёнигсбергском университете. До нас дошел также перевод одной из частей курса философии Х. А. Крузиуса, а именно «Телематологии», и натурфилософское сочинение И. Г. Зулцера.¹⁸ Особый интерес из этого периода представляет рукопись 1768 г. под названием «Краткая история Польского Королевства, собранная из разных авторов» из собрания РНБ.¹⁹ Это переводное и компилятивное сочинение, поводом к написанию которого очевидно послужили текущие польские события и война с конфедератами. На титуле этой, тоже оформленной и переплетенной рукописной книги, есть помета: «Польская история, сочиненная Андреем Болотовым, а переписывана набело слугою его Васильем Артамоновым». Такая помета свидетельствует о том, что Болотов держал грамотных крепостных и использовал их для чернового переписывания рукописей (поверх этой «набело» переписанной рукописи есть болотовская правка красными чернилами).

Чаще всего Болотов и писал, и переписывал книги сам: в его хорошо сохранившемся архиве почти не встречается другая рука. Тем не менее, уже в 1770-е гг. он специально обучал крестьянских детей грамоте для своих целей. Так, закончив в 1773 г. перевод «Китайской истории» Й. Нейгофа²⁰ и подготовив ее для переписывания набело, он намеревался «комиссию сию возложить на одного из <...> мальчиков, писцов, хотя писали они не очень еще хорошо и исправно» (III: 117), но потом передумал и переписал сам, так как торопился.

¹⁷ Памятная книжка, или Собрание различных нравоучительных правил, собственно себе для памяти при разных случаях, записанных в Кёнигсберге 1761 // НИОР БАН. Ф. 69. № 22. 287 л.; Различные нравоучительные сочинения, переведенные из разных книг А. Б. 1763 // ОР РНБ. Ф. 89. № 58. 136 л.

¹⁸ Крузий Христиан Август. Нравоучение или наставление как жить благоразумно. Пер. с немецк. яз. // ОР РНБ. Ф. 536 (Собр. ОЛДП). № 2093 (Q. 328). 37 л. Нравоучительные рассуждения о делах естества, сочиненные господином Зулцером, а с немецкого на русский язык переведены А. Б. 1762 // ОР РНБ. Ф. 536 (Собр. ОЛДП). № 2152 (Q. 385). 82 л.

¹⁹ Краткая история Польского Королевства, собранная из разных авторов. 1768 // ОР РНБ. Ф. 536 (Собр. ОЛДП). № 2190 (Q. 423). 71 л.

²⁰ Сочинение голландского путешественника Й. Нейгофа (голл. Joan Nieuhof, нем. Johan Nieuhoff), на немецком языке выходило трижды (1666, 1669, 1675) под заглавием «Die Gesandtschaft der Niederländischen Ostindienkompanie an den großen Tartarischen Khan, den gegenwärtigen Kaiser von China».

Другим обстоятельством, мотивировавшим Болотова к переводу иностранных источников и созданию рукописных книг, была цензура. Со времен своего участия в Семилетней войне Болотов проявлял большой интерес к внешней политике и истории других государств и неоднократно сетовал на нехватку материала на русском языке и на умолчания в русской прессе. Так, ожидая летом 1793 г. новостей из революционной Франции, он записал: «Российские „Московские ведомости“ были в сей раз, по обыкновению своему, совсем пусты и не содержали в себе никаких интересных известий. Большая часть оных была наполнена известием о приходящих кораблях и именами оставшихся у нас французов, о которых нам всего неважнее знать: известиев иностранных и без того сообщаемо было мало, а как сии господа присоединились, то стало и того еще меньше».²¹ Сам он по возможности выписывал иностранные газеты и переведенные из них обширные фрагменты составили альманах под названием «Богородицкий вестник»,²² очевидно, пользовавшийся большим успехом в кругу его друзей и родственников. Иногда Болотову удавалось купить книги, оценка событий в которых не совпадала с официальной позицией российской власти. Например, тем же летом 1793 г. он перевел книгу о Французской революции К. Гиртаннера, вышедшую на немецком языке в Берлине в 1791 г. (IV: 1110, 1111, 1117).²³ Этот перевод имел хождение в высших кругах тульского губернского общества. В частности, ее читал тульский наместник Е. П. Кашкин, «ученый и в немецкой литературе очень сведущий человек» (IV: 1138), который, в свою очередь, уже в марте 1794 г. снабдил Болотова неким «революционным альманахом». Кашкин также выписывал журнал И. фон Архенгольца (J. W. Archenholz) «Минерва», и они вместе читали его вслух (IV: 1149, 1164).²⁴

Кроме того, Болотов собирал так называемые «листки, носившиеся в народе», среди которых попадались и списки самых разных печатных сочинений, и явно неподцензурные произведения, например, перевод

²¹ Богородицкий вестник, или Обозрительная история происшествий во всем свете в 1793 г. Ч. 1 // ОР РГБ. Ф. 475. Карт. 1.8. Л. 20.

²² Богородицкий вестник, или Обозрительная история происшествий во всем свете в 1793 г. // ОР РГБ. Ф. 475. Карт. 1.8–1.9. Ч. 1. 172 л.; Ч. 2. 207 л.

²³ *Girtanner Chr., Buchholz F. Historische Nachrichten und politische Betrachtungen über die französische Revolution.* Berlin, 1791–1804. 17 Bände.

²⁴ *Minerva: Ein Journal historischen und politischen Inhalts* (1792–1858).

письма Ф. П. Пикте (Pictet, 1728–1798) к Вольтеру о екатерининском перевороте, анонимно опубликованного в ноябре 1762 г. в «Journal encyclopédique» как корреспонденция из России, и просто сатирические стишки, в основном анонимные. Болотов оформил и переплел 30 таких сборников под заглавием «Магазин достопамятных бумаг и носившихся в народе слухов».²⁵ Об их популярности свидетельствует письмо внука Болотова, Михаила Павловича, к издателю болотовских записок М. И. Семевскому: «Если можно о чем пожалеть, то это о пропавших 4 томах его „Магазина достопамятных событий“, которые кто-то зачитал еще при жизни его, и он об них всегда с соболезнаванием вспоминал».²⁶ О том, как происходил сбор материалов для «Магазина», Болотов очень живописно рассказал в письме сыну от 12 мая 1801 г. В гости к Болотову проездом неожиданно нагрянул его старый друг и сослуживец И. Т. Балабин. «Наконец притащили <нрзб> в беседку и его шкатулку, и ну-ка он достает оттуда разные стихотворения, каких я еще не видал и не читывал <...>. А я сам в себе думаю и смышляю о том, как бы все это и все сии прекрасные вещицы у него списать. Зову-кричу Сережку, одну пиесу в руки ему, другую Петрушке, две Катерине, а последнюю Сергею. Все должны были в сей день писать и все сделаться моими секретарями».²⁷ Катерина — это двадцатитрехлетняя дочь Болотова, а остальные — грамотные крепостные.

Наконец, все свои собственные сочинения, начиная с самых ранних опытов, Болотов тоже оформлял как печатные книги, независимо от того, собирался он их публиковать или нет. Нередко распространение этих книг выходило далеко за рамки ближнего круга. В 1773 г. Болотов, столкнувшийся с тем, что пропагандируемая им философия Крузия тяжело осваивается теми, кто в принципе не владеет философским языком (даже в переводе), начал писать ее вольное изложение,

²⁵ Магазин достопамятных и любопытных бумаг и пиес, носившихся в народе. Ч. 1–2, 4–7, 17–20, 22–28, 30. 1796–1812, 1813–1815 // ОР РНБ. Ф. 89. № 78–95; То же. Ч. 8–15. 1812–1813 // ОР РГБ. Ф. 475. Карт. 2.1–2.8. Подробнее об этих сборниках см.: Веселова А. Ю. Сатира в сборниках А. Т. Болотова «Магазин достопамятных бумаг и носившихся в народе слухов» // XVIII век. Сб. 30: А. П. Сумароков и русская литература его времени. СПб., 2020. С. 269–304.

²⁶ Болотов М. П. Записки (2) Семевскому Михаилу Ивановичу о А. Т. Болотове // РО ИРЛИ. Ф. 537. № 40. Л. 2.

²⁷ Письма А. Т. Болотова сыну П. А. Болотову // ОР РНБ. Ф. 89. № 106. Л. 5 об.–6.

впоследствии напечатанное под заглавием «Путеводитель к истинному человеческому счастью». Вскоре Болотов оказался в доме харьковского губернатора Е. А. Щербинина, одной из деревень которого он управлял. Там у него зашел разговор с незнакомым ему ранее сыном Щербинина, молодым человеком, по выражению Болотова, «зараженным вольтеризмом». Болотову удалось не только увлечь своими идеями молодого и очевидно неплохо образованного вольтерьянца, но и вручить ему первую часть своего труда, уже переписанную набело. Через некоторое время он получил от младшего Щербинина письмо с благодарностью и просьбой «дать ему списать» остальные части, когда они будут закончены. (III: 164–165).

Таким образом, мы видим, что в условиях книжного дефицита практика обмена и распространения рукописных книг, наряду с печатными, не только существовала, но и позволяла налаживать некоторые социальные связи, которые не могли возникнуть другим путем. Болотов был активным участником этого процесса и, конечно, не единственным. В его мемуарах нередко упоминаются люди, с которыми он специально знакомился, узнав, что они любители чтения и письма. Например, оказавшись в 1772 г. в городе Алексине, он заехал к некому незнакомому ему и весьма пожилому местному дворянину А. А. Змееву, о котором был слышан как об «охотнике писать» (III: 49). Со своим другом и соседом И. Г. Полонским Болотов также сошелся именно на любви к рукописным книгам. «Книг имел он у себя нарочитое собрание, — пишет Болотов о Полонском, — а что всего удивительнее, то великое множество из них, писанных его рукою. Будучи смолоду великим писакою, любил он как-то в особливости упражняться в писании и не скучивал списывать целые превеликие книги, — и я нашел у него собрание наилучших в тогдашнее время романов, списанных сим образом его рукою и переплетенных порядочно» (II: 605). Можно предположить, что уже в 1770-е гг., по мере развития книжного рынка, переписывание книг постепенно становится своего рода хобби или творчеством и предметом коллекционирования, объединявшим людей по интересам.

Итак, свидетельства самого Болотова, а также дошедшие до нас отдельные воспоминания о нем потомков показывают, что в обиходе он обращался со своими рукописями как с книгами. Все это в равной мере относится и к самому известному произведению Болотова, то есть к мемуарам. Так, сообщая сыну о завершении очередной части своих записок в декабре 1789 г., Болотов называет их книгами: «Книжки бу-

дут прекрасные! Настасья²⁸ только и говорит, что не только-де нам, но и иным любопытны!» (IV: 696). О популярности болотовских мемуаров в довольно широком кругу его читателей вспоминал внук автора, Михаил Павлович:

Дед мой обладал замечательной памятью до последних лет жизни, все его рассказы о прошлом вообще и о бывшем с ним передавались с большим юмором, при этом часто случалось, что коснувшись какого-нибудь предмета, он приносил томик своих последних записок, т. е. из текущего столетия, и прочитывал сам описанное о том прежде или отдавал кому-нибудь для прочтения на дом. В особенности в двадцатых годах пользовались его расположением некоторые из соседей (личности весьма образованные), например, С. П. Бобрищев-Пушкин, М. И. Золотухин и Н. А. Кругликов, которые чрезвычайно любили старичка, и он давал им поочередно читать все свои записки и сочинения.²⁹

Сын упомянутого Н. А. Кругликова, С. Н. Кругликов, в письме к Семевскому утверждал, что «часть этих записок, написанная рукою Андрея Тимофеевича», подаренная когда-то автором его отцу, хранится у них в семье.³⁰ Судьба этих частей, к сожалению, неизвестна.

Семья Болотова тоже относилась к этим запискам как к открытому источнику, доступному не только близкому кругу, но и внешнему читателю. Так, еще при жизни Болотова, его невестка М. Ф. Болотова спрятала, а потом и уничтожила пять частей мемуаров (около 1000 л.), описывавших сватовство к ней сына Андрея Тимофеевича, Павла, и последовавшие свадьбу и многочисленные родственные визиты. По всей видимости, это отсутствующие сейчас части воспоминаний с тридцатой по тридцать четвертую, от которых никаких следов не осталось.³¹ Информацию об этом мы встречаем в письме Павла Болотова жене, в котором он довольно язвительно пишет: «Меня удивило очень услышать, что и ты ничего не знаешь о ненаходимых батюшкою 5 тома [х] истории его жизни. Стало это я видел сон, и очень живой <...> что ты пришла будто в кабинет, когда я сидел там, <...> и говоришь, чтоб

²⁸ Дочь А. Т. Болотова Анастасия Андреевна, в замужестве Воронцова-Вельяминова.

²⁹ Болотов М. П. Андрей Тимофеевич Болотов: жизнь его с 1796 по 1833 г. // Русская старина. 1873. Т. 8. Ноябрь. С. 748–749.

³⁰ С. Н. Кругликов (сосед) о Болотовых // РО ИРЛИ. Ф. 537. № 46. Л. 1 об.

³¹ Подробнее о составе болотовских мемуаров и сохранившихся рукописях см.: Веселова А. Ю., Милютин М. П. О составе корпуса мемуаров А. Т. Болотова // Русская литература. 2020. № 1. С. 65–75.

не допустить <...> читать <...> о нашей женитьбе, то лучше бы эти части вынуть из сундучка его <...> и сказать, что оне остались у нас <...>». Далее Павел Андреевич сетует, что по вине жены оказался в глазах отца «истребителем при жизни его трудов его».³² Те же сведения в письме Семевскому подтверждает и внук Болотова. По его словам, матушке «не желалось, чтобы некоторые семейные обстоятельства, касающиеся ее родных и знакомых, когда-либо известны были посторонним».³³

Таким образом, воспоминания Болотова, воспринимались им самим и его ближайшим окружением в ряду книг, которые могут оказаться в руках неограниченного числа читателей. Круг этих читателей расширялся постепенно. Очевидно, что когда Болотов начинал писать свои воспоминания, то есть в конце 1770 — начале 1780-х гг., он адресовался только близким. От этого времени до нас дошла вторая часть, хранящаяся в ОПИ ГИМ.³⁴ Она носит название «Приключения Андрея Болотова» и акцент в ней сделан на событиях, участником которых Болотов был, поэтому ровно половину всей рукописи (со 132 л.) занимает описание Апраксинского похода 1757 г., а значительную его часть (50 листов) — Гросс-Егерсдорфского сражения с планами. Возможно также, что эта часть выросла из устных рассказов молодого помещика о службе немногочисленным тогда деревенским знакомым и родне.

В конце 1780-х гг. Болотов повторно приступил к написанию мемуаров, переделав, в том числе, и сохранившиеся части. К тому времени дети его достигли возраста, в котором адресация к ним, зафиксированная в новом заглавии «Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков», уже могла быть актуальной. Учитывая, что Болотов распространял по знакомым другие свои сочинения, мемуары, по-видимому, постепенно тоже обретали своего читателя за пределами семьи. Именно к этому времени относится цитированная выше фраза о том, что эти книжки «не только нам, но и иным любопытны!».

³² Козлов С. А. Русская провинция в дневниках Павла Болотова: «Настольный календарь 1787 года». СПб., 2006. С. 41.

³³ Письмо М. П. Болотова М. И. Семевскому от 14 октября 1873 г. // РО ИРЛИ. Ф. 537. № 40. Л. 1 об.

³⁴ Приключения Андрея Болотова с 1752 по 1758 год, описанные сами им. Ч. 2. Б. д. // ОПИ ГИМ. Ф. 349. № 2. 264 л.

Выйдя в отставку в 1797 г. и вернувшись в свою деревню, Болотов, видимо, осознал, что круг его читателей, в том числе умножившийся за счет браков детей, весьма расширился. Вероятно, опасения, что мемуары могут быть «зачитаны», как это случилось с некоторыми другими рукописями, подтолкнули Болотова к идее их дублирования. Болотов и раньше создавал дубликаты, несколько его ранних рукописей, например «Опыт нравоучительным сочинениям» и «Памятная книжка» сохранились в двух экземплярах.³⁵ Более того, он иногда специально переписывал свои книги в подарок.³⁶ В РГАЛИ хранится очень интересный экземпляр — рукописный сборник стихов Болотова на случай, переписанный им для дочери Анастасии в подарок на именины.³⁷ На нем 5 владельческих надписей, все они принадлежат потомкам Болотова, которым сборник переходил по наследству.

Выполненные с 1800 г. Болотовым копии мемуаров, особенно первые, оформлены намного лучше оригиналов: кожаный переплет, цветной обрез, чище и четче почерк. Именно в копиях была реализована давняя идея иллюстрирования записок, весьма нетривиальная и, кажется, более не встречающаяся в русской мемуаристике того времени. Болотов рисовал миниатюры тушью в начале и в конце каждого письма, а сын его даже сделал две цветные картинки для первой части. Впрочем, замысел этот не было доведен до конца, и после пятой части рисунки попадаются очень редко. В итоге Болотов продублировал в общей сложности первые двадцать три части из написанных сорока и зани-

³⁵ Опыт нравоучительным сочинениям. 1764 // НИОР БАН. Ф. 69. № 13. 65 л.; Опыт нравоучительным сочинениям. 1764 // ОР РНБ. Ф. 89. № 167. 65 л.; Памятная книжка, или Собрание различных нравоучительных правил, собственно себе для памяти при разных случаях, записанных в Кенигсберге 1761 // НИОР БАН. Ф. 69. № 22. 287 л.; Памятная книжка, или Собрание различных нравоучительных правил, собственно себе для памяти при разных случаях записанных. 1761 // ОР РНБ. Ф. 89. № 55. 204 л.

³⁶ См., например, стихи в подарок «одной особе», переписанные с заменой местоимений и прилагательных мужского рода женским: Некоторые назидательные чувствования в стихах от женского лица // РО ИРЛИ. Ф. 537. № 16. 60 л. Первоначальный, «мужской» вариант: Чувствования и вздохи ко Творцу // НИОР БАН. Ф. 69. № 17. 120 л.

³⁷ Дюжина сотен вздохов, чувствований и мыслей христианских. Стихотворения. 1817 г. // РГАЛИ. Ф. 1346. Оп. 1. № 56. 158 л. Публ.: Дюжина сотен вздохов, чувствований и мыслей христианских <...> / Публ. Е. Бронникова // Российский архив. М., 1992. Т. 2–3. С. 469–539.

мался этим, параллельно с созданием следующих частей, до 1811 г.³⁸ Потом, видимо, возобладало стремление успеть больше написать, чем переписать. И хотя нам неизвестно о его намерениях издать мемуары, мы не можем исключать, что мысли о возможной будущей, даже посмертной публикации у Болотова были, и он чувствовал, как меняются времена. Надо сказать, что потомки довольно быстро поняли настоящую ценность болотовского наследия — первая публикация фрагментов записок состоялась уже через пять лет после смерти автора.³⁹

Говоря об отношении Болотова к практике создания рукописной книги, необходимо упомянуть о нескольких заметках в его сборнике «82-й год моей жизни». В статье «Об охоте моей к писанию и о моих сочинениях, переводах и прочих писаниях»,⁴⁰ упомянув, что за свою жизнь (точнее за 81 год) он «измарал <...> несколько десятков стоп» бумаги (то есть несколько десятков тысяч листов),⁴¹ Болотов перечисляет в хронологической последовательности «все написанное». Перечисление начинается с тех первых книг, которые Болотов переписал в начале 1750-х гг., и о которых уже шла речь выше. Далее подряд идет очень подробное перечисление вперемешку копий чужих произведений, переводов и собственных сочинений разного рода, а также их дублетов. Очевидно, что здесь для Болотова важно не содержание произведения, и даже не его авторство, а лишь тот факт, что оно вышло из-под его пера. Такое отношение очень хорошо коррелирует с его рассказами о других таких же любителях «писания», то есть процесса письма. Сам Болотов явно выделял этот вид деятельности как самостоятельную форму времяпрепровождения, в этом отношении не делая разницы между сочинительством, переводами и переписыванием. Это была одна из его любимых форм досуга и избавления от скуки. В мемуарах он как-то заметил: «я всегда отдыхаю, когда пишу» (II: 159).

³⁸ Подробнее см.: *Веселова А. Ю., Милютин М. П.* 1) О составе корпуса мемуаров А. Т. Болотова...; 2) Мемуары А. Т. Болотова: история создания // *Русская литература*. 2020. № 3. С. 165–182.

³⁹ *Сын Отечества*. 1839. Т. 8. № 4. С. 61–69; Т. 9. № 5. С. 1–58.

⁴⁰ Краткие записки о значительнейших происшествиях со мною в 82 год моей жизни, могущие служить для сочинения истории сего времени, и некоторые общие замечания, касающиеся до моей жизни и характера. Ч. 1. 1819 // *ОР РНБ. Ф. 89. № 53. Л. 67 об.*–76.

⁴¹ Там же. Л. 64.

Об интенсивности его работы в области письма и сочинительства можно судить по его собственным описаниям типичного для него режима дня. Так, в заметке «О том, как я провождал осеннее время 1819 года и особливо октября»⁴² он сообщает, что в осенне-зимний период время, отведенное для разного рода письма, длилось от шести до восьми часов в день с перерывами. Летом, во время сельскохозяйственных работ, на письмо, конечно, тратилось меньше времени.

Следует отметить, что страсть к писанию не раз причиняла Болотову неприятности. В канцелярии в Кёнигсберге его за это дразнили философом и архиереем, на что он жаловался своему другу в письме.⁴³ Его сватовство едва не расстроилось, потому что одна соседка убедила невесту Болотова, будто бы он чернокнижник (II: 491–492). Наконец, начальствующие над Болотовым в его управлении Богородицкой волостью не раз пеняли ему на то, то он тратит слишком много времени на писание в ущерб службе (IV: 909).

Но, по всей видимости, письмо действительно было увлечением, если не сказать страстью, Болотова. В том же сборнике находится статья «О том когда, чем и как я обыкновенно писал».⁴⁴ В ней Болотов подробно рассказывает обо всех предпочитаемых им и тщательно отобранных на собственном опыте инструментах: типе бумаги, перьях, чернилах и чернильницах, промокательной бумаге, тераксе, пюпитре для письма собственного изобретения, письменном столе. Очевидно, что и пользование этими канцелярскими принадлежностями, и описание их, доставляет ему удовольствие. Существовал у него и дорожный вариант «письменной сбруи», которую он с такой же любовью описывает в мемуарах, рассказывая об остановках в пути: «Чернильница у меня при боце и весь прибор письменный, чернильницу повешу за рукоятку в коляске, сам сяду, опустя ноги в дверцы, подушки на колени а на них „Китайскую историю“, и начинаю тотчас записывать в журнал свое путешествие, и записав, продолжаю переводить „Китайскую историю“» (III: 77).

Будучи таким страстным любителем письма и активным создателем и распространителем рукописной книги, Болотов в определенный

⁴² Там же. Л. 57–57 об.

⁴³ Письма А. Т. Болотова к Н. Е. Тулубьеву (1760–1761) / Публ. А. Ю. Веселовой (подгот. текста, коммент., вступ. статья) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2012 год. СПб, 2013. С. 365.

⁴⁴ Краткие записки... Л. 76 об.–82 об.

период своей жизни был весьма печатаемым автором.⁴⁵ Среди его опубликованных сочинений три больших перевода,⁴⁶ три обширных философских труда (некоторые до 1000 страниц),⁴⁷ пьеса,⁴⁸ две книги естественнонаучного содержания,⁴⁹ не говоря уже о многочисленных публикациях отдельных статей в «Трудах Императорского Вольного экономического общества» и десятилетнем опыте издания собственного журнала.⁵⁰

Первая публикация Болотова состоялась в «Трудах Вольного экономического общества», во втором номере за 1766 г. Некоторое время он оставался в статусе только «экономического писателя», что, впрочем, дало ему возможность получить выгодную должность управляющего императорской волостью и чувствовать удовлетворение, видя «свое

⁴⁵ См. подробнее: *Веселова А. Ю., Милютин М. П.* Жизнь и приключения счастливого человека // Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. 1738–1757 / Сост. А. Ю. Веселова, М. П. Милютин. СПб., 2021. Т. 1. Кн. 2. С. 11–96.

⁴⁶ Иоанна Мельхиора Гецена рассуждение о начале и конце нынешнего и состоянии будущего мира / Пер. с нем. А. Б. М., 1783; Генриетта, или Гусарское похищение; происшествия, происходившие во время недавно бывшей последней войны у пруссаков с цесарцами / Пер. с нем. А. Б. М., 1782. Ч. 1–3; Жизнь и странные приключения умершего в 1788 г. Карла Эдуарда, претендента Великобритании и французской короны / Пер. с нем. М., 1794.

⁴⁷ Детская философия, или Нравоучительные разговоры между одною госпожою и ее детьми, сочиненные для поспешествования истинной пользе молодых людей. М., 1776–1779. Ч. 1–2; Путеводитель к истинному человеческому счастью, или Опыт нравоучительных и отчасти философических рассуждений о благополучии человеческой жизни и о средствах к приобретению оного. М., 1784. Ч. 1–3; Чувствования христианина при начале и конце каждого дня в неделе, относящиеся к самому себе и к Богу / Сочинения одного россиянина. М., 1781. См. также современное изд.: Детская философия / Вступ. статья, подгот. текста, коммент. Т. В. Артемьевой, М. И. Микешина. СПб., 2012.

⁴⁸ Несчастные сироты. М., 1781. Современное изд.: *Болотов А. Т.* Избранное / Сост. А. К. Демиховский (статьи, текстология, коммент.). Псков, 1993.

⁴⁹ Краткие и на опытности основанные замечания о электрицизме и о способности электрических машин к помоганию от разных болезней. С изображением и описанием наипростейшего рода машин и разных способов, употребляемых при врачевании ими болезней. СПб., 1803.

⁵⁰ Сельский житель. 1778–1779; Экономический магазин или собрание всяких экономических известий <...>. 1780–1789. Подробнее см.: *Веселова А. Ю.* Журналы А. Т. Болотова «Сельский житель» и «Экономический магазин»: история издания // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2017. № 5. С. 124–150.

имя напечатанным» (II: 632). Но уже в 1769 г. Болотов предпринимает попытки опубликовать свои сочинения, а именно первую часть «Детской философии», написанной в 1763 г., и переводы из Зульцера⁵¹ и немецкого проповедника И. Иерузалема.⁵² К сожалению автора, посредники, один из соседей и московский священник, приходившийся родственником дворяниновскому попу, оказались ненадежны, и дело расстроилось, хотя Болотов даже «натрудил грудь», готовя беловые списки (II: 810). В следующий раз намерение издать собственное сочинение, точнее перевод, отдельной книгой появилось у Болотова в 1773 г., когда он закончил «Китайскую историю». Но, как отмечает сам Болотов в мемуарах, он «не имел еще тогда ни малейшего понятия о всех обстоятельствах, сопряженных с печатанием книг, и о всех бываемых при том разных и многочисленных затруднениях», поэтому книгу ему напечатать не удалось, и он «с прискорбием принужден был поставить свой перевод для вечного отдохновения в библиотеку» (III: 119–120).

Тем не менее, мысль о публикации чего-то большего, чем статьи, уже не оставляла Болотова, и в 1775 г. он наконец через богородицкого лекаря, немца Ф. А. Бентона, свел знакомство с неким Гиппиусом, «живущим в типографии» Московского университета (III: 545). В 1776 г. «Детская философия» была напечатана. «Боже мой! — восклицает мемуарист, — как обрадован я был, увидев в первый раз свое моральное сочинение напечатанное! Не могу и поныне забыть, как прыгал я тогда, как маленький рабенок от радости...» (III: 581).

Уже через три года, в 1778 г. Болотов приступил к изданию своего сельскохозяйственного журнала «Сельский житель» в сотрудничестве с издателем Х. Ридигером, с которым познакомился в 1771 г., когда Ридигер еще только начинал свою карьеру сидельцем в московской книжной лавке (II: 1079). Показательно, что замысел этого журнала появился еще в 1766 г. и сочиненная тогда рукопись первого номера сохранилась.⁵³ Но пик публикаторской активности Болотова приходится на период его сотрудничества с Н. И. Новиковым: с ним Болотов познакомился

⁵¹ См. примеч. 18.

⁵² Было напечатано позднее: Безумие идущих против воли Божией и не верующих его провидению <...> // Московское ежемесячное издание. 1781. Ч. 1. С. 1–42.

⁵³ Экономический магазин, или собрание всяких записок, примечаний опытов, касающихся до земледелия и домостроительства и всей экономии. 33 ч. 1766 // ОР РГБ. Ф. 475. Карт. 3.5. 110 л.

в 1779 г. Почти сразу они начали издание нового журнала, который, в отличие от предыдущего, продержавшегося год, просуществовал десять лет. За издание журнала «Экономический магазин» Болотов получал от Новикова 500 рублей в год — сумму, почти равную его годовому жалованью в должности управляющего императорской волости (III: 1015). Далее были изданы перевод романа Бевиуса,⁵⁴ «Путеводитель к истинному человеческому счастью», пьеса «Нешастные сироты», несколько переводов, эссе и стихи в журналах.⁵⁵ Новиков активно искал авторов, а Болотов был готов давать свои сочинения и переводы для печати, так что этот альянс был взаимовыгодным. Сотрудничая с двумя крупнейшими издателями своего времени, Новиковым и Ридигером, Болотов, можно сказать, был в какой-то степени профессионалом своего дела: без гонорара он печатал только статьи в «Трудах Вольного экономического общества», но за них ему неоднократно присуждали грамоты и медали.

Все это означает, что ко второй половине 1770-х гг. Болотов прекрасно представлял себе издательскую кухню, имел в этой области связи и знал, как можно опубликовать книгу. Но подробно и часто с гордостью рассказывая во всех своих биографических текстах о том, что он написал и перевел, Болотов никогда не раскрывал своего имени при публикации, за исключением статей для Вольного экономического общества. При всех сложных отношениях с Вольным экономическим обществом, частых обидах на то, что его сочинения задерживают в печати, что его пытаются эксплуатировать, предлагая трудновыполнимые задачи, Болотов все же очевидно считал свое сотрудничество с Вольным экономическим обществом одновременно и долгом, и честью. В остальных же случаях он обычно ставил только инициалы «А. Т.», а за десять лет издания журнала раскрыл себя лишь в последнем номере, окончательно решив прекратить это предприятие.

⁵⁴ [Бевиус А.] Генриетта, или Гусарское похищение; происшествия, происходившие во время недавно бывшей последней войны у пруссаков с цесарцами / Пер. с нем. А. Б. М., 1782. Ч. 1–3.

⁵⁵ В журналах стихи и натурологические эссе Болотова печатались анонимно: Песнь к Вездесущему // Приятное и полезное препровождение времени. Ч. 11. 1796. С. 269–271; Утреннее расположение духа // Там же. Ч. 13. 1797. С. 271–271; Оканчивающаяся зима // Там же. Ч. 13. 1797. С. 289–298; Время созревания плодов // Там же. Ч. 15. 1797. С. 385–398, 401–409. См. также примеч. 47–48.

После ареста Новикова Болотов почти не печатался. Когда университетскую типографию взял в аренду Ридигер, он обрадовался «новой и неожиданной конекции» (IV: 1131), которая вышла у него «с типографщиками» и отдал в печать перевод «Жизни и приключений Эдуарда претендента аглинского», который был опубликован.⁵⁶ Но «Ридигер был не то, что Новиков» и вместо обещанного гонорара Болотов получил пятьдесят экземпляров «в натуре», что, как он утверждал, «преграждало <...> путь к печатанию вперед чего-нибудь на чужой кошт» (IV: 1208). После этого у него вышла только книга о лечении электричеством по рекомендации Вольного экономического общества в типографии Академии наук⁵⁷ и несколько сельскохозяйственных статей в журналах. При этом он продолжал много писать, переводить, по сути, только начал по-настоящему создавать мемуары, вел свои сборники исторических материалов, сочинял много стихов и т. д. В «Автобиографии» для словаря митрополита Евгения, написанной двумя годами позднее цитированной выше статьи «Об охоте моей к писанию», он составил полноценную, вполне в современном духе, библиографию своих трудов, разделив собственные напечатанные сочинения, переводы и неопубликованное,⁵⁸ что свидетельствует о прекрасном владении и этим дискурсом. К последнему разделу он добавил примечание: «Из числа всех сих в манускриптах находящихся сочинений и переводов некоторые могли б быть напечатаны, и, может быть, приобрели б благоволение публики, но остаются в манускриптах, потому что трудившейся над оными по жительству его в отдалении от столицы, не имеет с нынешними типографий содержателями и книгопродавцами никакой связи, и на свой кошт печатать не имеет способа и удобства...».⁵⁹ Стоит отметить, что Болотов вполне мог себе позволить печататься на свой кошт, но, по всей видимости, здесь он следовал выработанному им еще в годы военной службы принципу от службы не отбиваться, но и на службу не набиваться (II: 694), то есть охотно откликаться на предложения, но не навязывать свои сочинения издателями самому и не работать даром.

⁵⁶ См. примеч. 6.

⁵⁷ См. примеч. 49.

⁵⁸ *Болотов А. Т. Автобиография // Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. 1738–1757 / Сост. А. Ю. Веселова, М. П. Милютин. СПб., 2021. Т. 1. Кн. 2. С. 108–125.*

⁵⁹ Там же. С. 126.

В одном из «Магазинов достопамятных бумаг» за 1814 г., составленных Болотовым, приводится анонимное сатирическое стихотворение, рассуждающее о сравнительных преимуществах денег, с одной стороны, и ума и таланта, — с другой. Автор стихотворения с горечью сопоставляет Ломоносова, который

... с одою в руках в передней скромно ждет,
Когда его к себе Шувалов позовет.

— с неким безымянным, но богатым дворянином:

Сей сидя на софе с Куракиным в беседе,
Советует, где быть в субботу на обеде...⁶⁰

Не утверждая, что Болотов мог равнять себя с Ломоносовым в смысле писательского дарования, все же можно предположить, что у Болотова было представление о своем достоинстве, не позволявшее ему откровенно искать писательского признания. Следует также отметить, что Болотов не писал беллетристических сочинений, а только переводил. Из-под его пера выходили экономические, философские, исторические сочинения и даже стихи, но единственная зафиксированная им самим попытка написать «русский роман» не увенчалась успехом.⁶¹ Высоко ценя литературу и получая от нее истинное наслаждение и как читатель, и как автор, он отдавал себе отчет в ограниченности своего таланта, который не может и не должен претендовать на всеобщее одобрение. Как он написал в предисловии к переводу Зульцера 1762 г., «<...> и по-неже намерение мое ни в чем ином состояло, как в желании услужить моим ближним, то и ласкаюсь сего моего первого труда благосклонным приятием».⁶² В случае же с публикацией за гонорар, посредником между ним и читателем выступал издатель, который брал на себя ответственность за качество напечатанного. Об этой ответственности издателя Болотов много пишет в своем сборнике критических статей о романах 1790 г.⁶³

⁶⁰ Веселова А. Ю. Сатира в сборниках А. Т. Болотова «Магазин достопамятных бумаг и носившихся в народе слухов»... С. 302.

⁶¹ «<...> начал было сочинять роман русский, но не окончил» (см.: Краткие записки о значительнейших происшествиях... Ч. 1. Л. 72).

⁶² См.: Нравоучительные рассуждения о делах естества, сочиненные господином Зульцером... Л. 1 об.

⁶³ См.: Мысли и беспристрастные суждения о романах как оригинальных российских, так и переведенных с иностранных языков Андрея Болотова // РО ИРЛИ. Ф. 537. № 14.

Свойственная Болотову ритуализация письма и анонимность большинства его сочинений позволяет сопоставить его писательскую позицию с предшествующим, допетровским, отношением к книге и писательскому труду.⁶⁴ В то же время очевидно, что его понимание писательского труда не было сакрализующим, он воспринимал его как служение людям, а не Богу.⁶⁵ Наконец, создавая рукописные книги, он сделал их по образцу печатных, и обращался с ними соответственно. В итоге, одновременное сосуществование в рамках двух традиций, в которых Болотов чувствовал себя одинаково свободно: старой, постепенно маргинализирующейся традиции рукописной книги, и в еще продолжавшей свое формирование культуре традиции печатной гражданской книги, было для Болотова органично и позволяло пользоваться преимуществами обеих. Оставаясь автором «для немногих» не в смысле элитарности, а в смысле своего круга, он позволял себе выходить за пределы этого круга только беря в посредники издателя, легитимизирующего его право предлагать свои творения публике.

Очевидно, что он был не единственным представителем такого переходного типа писателя, но дошедшие до нас многочисленные рукописные материалы и его собственная рефлексия позволяют именно в его случае делать такие выводы. Как это часто бывает, творчество Болотова оказывается удобным примером, на котором можно проиллюстрировать тот или иной аспект существования русской литературной культуры XVIII — начала XIX в.

⁶⁴ См.: Буланин Д. М. Предисловие // Словарь книжников и книжности Древней Руси / Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1987. Вып. 1: (XV — первая половина XIV в.). С. 6.

⁶⁵ О сакральном отношении к процессу письма см.: Панченко А. М. О смене писательского типа в петровскую эпоху // Панченко А. М. Русская история и культура: Работы разных лет. СПб., 1999. С. 319–339.